

«Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы

Д. В. Ларкович

*Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Российская Федерация,
dvl10@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: статья представляет собой первый в отечественном литературоведении опыт характеристики и введения в научный оборот понятия «югорский текст» как особого культурного феномена.

Цель: характеризуя данное понятие, автор ставит перед собой цель не только обнаружить общие типологические признаки, присущие «югорскому тексту» как локальной сверхтекстовой модели, но и указать на отличительные черты её территориальной и этнокультурной специфики.

Материалы исследования: при выполнении исследования были учтены результаты новейших научных разработок в области филологической регионалистики и геопэтики.

Результаты и научная новизна: результатом исследования стало концептуальное обоснование понятия «югорский текст» с опорой на разножанровый корпус художественных произведений, созданных писателями Югры (Е. Д. Айпиным, С. С. Козловым, В. С. Матвеевым, Т. А. Молдановой, О. Б. Рихтером, П. А. Сухановым и др.). В статье отмечено, что югорский текст имеет синтетический характер. Его отличают идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость, что обусловлено его полиэтнической и поликультурной природой. Смысловая целостность югорского текста обеспечена единством авторских устремлений создать художественный образ уникальной по своему культурно-историческому, природному и этно-национальному ландшафту территории, сопричастность которой открывает для человека подлинный смысл бытия.

Научная новизна представленного материала обусловлена тем, что подобный опыт содержательной и типологической характеристики литературного феномена «югорский текст» предпринят впервые.

Ключевые слова: литература Югры, югорский текст, регионалистика, геопэтика, локальный сверхтекст, картина мира, миф о преображении мира, мотивный комплекс.

Для цитирования: Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.

«Yugra text» as a literary reality: to the problem statement

D. V. Larkovich

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russian Federation,
dvl10@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is the first in the domestic literary criticism experience of characteristics and introducing into the scientific circulation the concept of «Yugra text» as a special cultural phenomenon.

Objective: characterizing this concept, the author sets the objective not only to reveal the common typological features of «Yugra text» as a local super-text model, but also to point out the distinctive features of its territorial and ethno-cultural specificity.

Research materials: the results of the latest scientific developments in the field of philological regional studies and geopoetics.

Results and novelty of the research: the result of the research was the conceptual substantiation of the concept «Yugra text» based on a multi-genre corpus of artistic works created by Yugra's writers (E. D. Aipin, S. S. Kozlov, V. S. Matveev, T. A. Moldanova, O. B. Richter, P. A. Sukhanov, etc.). The article notes that Yugra text is synthetic. It is distinguished by ideological variation and internal inconsistency due to its multi-ethnic and multicultural nature. The semantic integrity of the Yugra text is ensured by the unity of the author's aspirations to

create an artistic image of unique in its cultural-historical, natural and ethno-national landscape of the territory, the involvement of which opens the true meaning of life for people.

The scientific novelty of the presented material is due to the fact that this experience of the content and typological characteristics of the literary phenomenon «Yugra text» was undertaken for the first time.

Key words: literature of Yugra, Yugra text, regional studies, geopoetics, local super-text, picture of the world, myth about the transformation of the world, motif complex.

For citation: Larkovich D. V. «Yugra text» as a literary reality: to the problem statement // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9(1): 40–52.

Введение

Современное литературоведение исходит из представления о том, что любая национальная литература представляет собой системное единство творческих инициатив писателей, сосредоточенных вокруг культурных центров и находящихся на периферии. Игнорирование или недооценка роли регионального компонента в процессе изучения истории литературы неизбежно ведёт к искажённым представлениям о её национальной специфике и общей логике развития. Растущий интерес к культурной жизни регионов послужил действенным импульсом становления регионалистики как особого раздела гуманитарного знания, которая оказалась своего рода точкой схождения гуманитарной географии, истории, этнографии, культурологии и литературоведения. Возникшая в стремлении противостоять процессам тотальной глобализации и космополитической унификации человеческого сообщества, современная регионалистика сосредоточена на изучении материального и духовного бытия конкретной географической местности, входящей в состав государства на правах территориального образования, но представляющей собой особое культурно-историческое пространство и обладающей неповторимым ментальным ландшафтом.

Самостоятельной отраслью этого научного направления является филологическая регионалистика, основная задача которой, по словам Л. В. Поляковой, «состоит в системном исследовании и описании корней и генезиса литературно-художественных явлений, духовной жизни социума и человека с использованием филологического инструментария. ... Она не сводится к литературному краеведению, предполагает изучение широкого спектра местнографических реалий, вплоть до национального и личностного менталитета, этнических проблем, живого разговорного

языка, анималистики, ономастики или топонимики» [17, 10].

Мир литературного произведения всегда осуществляется в рамках определённого пространства, имеющего образную природу. Но пространство имеет свойство не только обрамлять событийную логику произведения, но и задавать вектор её смысловой направленности. По меткому замечанию британского историка и искусствоведа С. Шамы, «ландшафты – это скорее явления культуры, чем природы» [27, 61], и в тех случаях, когда пространственные реалии художественного текста соотносятся с конкретными географическими топосами, воспринимающее сознание читателя непроизвольно включает ассоциативные механизмы, которые расширяют смысловое поле литературного произведения за счёт ранее приобретённых знаний из области истории, культуры, географии и т.п. Оказывается, что не только пространство выступает конструктивным фактором литературного произведения, но и литература начинает конструировать конкретное географическое пространство как особый культурный феномен. «В результате, – отмечает В. В. Абашев, – рождается новая реальность места. Трудность восприятия этой реальности в том, что символическая структура места сливается с природной до неразличимости, выступая для человека в его живом опыте как некая изначальная данность места» [1, 6]. И действительно, каждому литературно образованному человеку хорошо знакомы такие прецедентные топонимы, как «Петербург Достоевского», «Коктебель Волошина», «Москва Булгакова», «Венеция Бродского», где географический компонент неотделим от культурного.

Акт художественного конструирования географического пространства средствами литературы в современном литературоведении определяется термином геопозитика. В. В. Абашев отмечает, что «для филологов геопозитика –

это, естественно, специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [1, 18].

Как видно из данного определения, художественный образ конкретного географического пространства может быть актуализирован как на уровне персональной творческой системы, так и складываться из совокупных усилий целого ряда творческих индивидуальностей, приобретая тем самым характер сверхтекста. По определению Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, «сверхтекст – это совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединённая содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального и аномального» [11, 215]. В этом текстовом единстве может фигурировать «центрирующий текст, смысл которого, – по словам Л. Женни, – оказывается главенствующим» [26, 262]. Однако основанием для объединения корпуса художественных, публицистических, эпистолярных, мемуарных и иных высказываний в некое сверхтекстовое образование может быть не только единство словесных сообщений, но и «внетекстовые связи», т.е. явления внеэстетической реальности (условия жизни, политическая идеология, исторические события, этические постулаты и т.п.). Ключевыми свойствами сверхтекста являются его мифологичность и культуроцентричность, т.е. соотносённость с системой вечных общечеловеческих ценностей.

Размышляя о типологической природе сверхтекста как синтетического полижанрового образования литературного происхождения, Н. Е. Меднис выделяет ряд конституирующих признаков, обуславливающих его целостность и системное единство:

1) сосредоточенность вокруг образного и тематического центра, который выступает в качестве концептуального ядра сверхтекста;

2) наличие определённого корпуса литературных текстов, наглядно репрезентирующих данный сверхтекст, определяющих систему

его художественного языка и задающих вектор его эволюционной динамики;

3) синхронность как необходимое условие восприятия сверхтекста читателями и исследователями;

4) смысловая цельность, которая возникает в точке пересечения текста и внетекстовой реальности и выступает в качестве межтекстовой скрепы;

5) общность художественного кода, т.е. единство системы художественных знаков, посредством которых информация закрепляется и воспроизводится в различных субтекстах как смысловых единицах целого;

6) относительная устойчивость и одновременно подвижность границ сверхтекста, обеспечивающая его открытость.

Это позволяет новосибирскому исследователю характеризовать сверхтекст как «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [14].

Особой разновидностью сверхтекста является локальный (или региональный) текст, где в качестве основной межтекстовой скрепы выступает конкретное географическое пространство (топос), освоенное человеком, а потому насыщенное человеческим смыслом. По словам В.В. Абашева, «локальный текст оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации. Поэтому осознанное отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» [1, 15]. В этой ситуации локальный текст, закреплённый в содержательном единстве различных литературных источников (субтекстов), становится условием, при котором пространство «обретает свой собственный голос», осознаёт и вербально презентует себя.

Наиболее разработанными в современном отечественном литературоведении являются т.н. городские тексты, и это неслучайно, ибо город с его культурно-исторической аурой, витальной геометрией и сакральной топологией сам может быть прочитан как текст, а, как утверждает Н. Е. Меднис, «по структуре своей текст города в некотором смысле приближается

к художественному тексту» [14]. Благодаря этому, в широкий научный обиход уже прочно вошли такие терминологические обозначения, как «петербургский текст» (В. Н. Топоров), «московский текст» (М. П. Одесский), «пермский текст» (В. В. Абашев), «венецианский текст» (Н. Е. Меднис), «лондонский текст» (Л. С. Прохорова), «ташкентский текст» (Э. Ф. Шафранская) и др., которые закрепили представление о характере городских топосов как культурных феноменов.

Размышляя об особых художественных возможностях литературы в ряду других видов искусства, А.А. Степанова полагает, что «созданный литературой образ города ... “провоцирует” активизацию чувственно-телесного восприятия города и мира. И в этом смысле художественный образ уже не просто формирует эстетическую ценность, ... сам художественный образ города представляет собой самодостаточную эстетическую ценность» [25, 69]. В качестве ключевого фактора городского текста исследователи, как правило, считают совокупность следующих обязательных признаков: «1) наличие исходного мифа, лежащего в основе дальнейших художественных построений; 2) структурная важность места действия, единственно возможного для развертывания описанных событий и становящегося одним из “героев” литературного произведения; 3) “особый отпечаток”, который носят на себе ... литературные герои; 4) особые художественные характеристики городского пространства» [16].

Наряду с этим осуществляется достаточно интенсивное изучение локальных текстов, связанных с различными регионами российской провинции [5; 12; 19; 21; 22; 23 и др.]. Однако следует отметить, что, являясь типологически родственными вариантами свёрхтекстовой модели, городской и региональный тексты имеют существенно различные параметры (тип художественного пространства, мотивный комплекс, культурные коды и т.п.), а потому и предполагают различные исследовательские подходы в их изучении. По мнению Е. Ш. Галимовой, характеризуя региональный текст, исследователь в первую очередь должен быть сосредоточен на выявлении специфики запечатлённой в нём художественной картины мира, включающей «совокупность ландшафт-

ных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета населения (края, провинции, территории), она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира (возникающим в творчестве отдельных писателей, как уроженцев этого края, так и “осваивающих” его как “чужую” территорию), а с другой – с общенациональной картиной мира, а её воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального свёрхтекста» [6].

Материалы и методы

Именно эти аспекты следует учитывать при постановке вопроса о правомерности введения в научный оборот понятия «югорский текст». Основания для введения и разработки данной дефиниции имеются как внешнего (историко-культурный и геополитический статус локуса), так и внутреннего (территориальная мифология, обладающая текстопорождающими интенциями) порядка. Материалом для статьи послужили произведения югорских писателей и поэтов рубежа XX–XXI вв., в которых репрезентативно представлен образ Югры, её истории, культуры, регионального менталитета.

В ходе исследования применялись как общенаучные методы наблюдения, описания, сопоставления, анализа, синтеза, так и методы филологического анализа: историко-культурный, мифопоэтический, структурно-семиотический, каждый из которых нацелен на изучение югорского текста как целостной смысловенной системы.

Результаты

Как известно, возникновение югорской литературы стало возможным только после появления письменности аборигенных этносов. В апреле 1930 года на VII расширенном пленуме Комитета содействия малочисленным народам Севера было принято решение о создании письменности на языках коренных народов Севера, и уже в ближайшие годы появились

первые литературные произведения и переводы на языке ханты и манси (В. Н. Чернецова, П. Е. Хатанзеева, А. Н. Баландина, Г. Д. Лазарева, Д. П. Тебетева, Д. Н. Тарлина и др.). В 1950–1970 годы югорская литература получила мощный импульс к развитию благодаря притоку творческой интеллигенции в период освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменского Севера [9, 4–87]. Именно в этот период происходит пробуждение литературно-художественного сознания коренных народов Югры, которое наиболее ярко проявило себя в творчестве А. С. Тарханова, Ю. Н. Шесталова, В. С. Волдина, М. И. Шульгина, М. К. Вагатовой, Р. П. Ругина, Ю. К. Вэлла, Е. Д. Айпина и др.

В настоящий момент литературная жизнь Югры чрезвычайно насыщена и многоименна. Во многих населённых пунктах округа созданы и успешно действуют литературные объединения: «Элегия» (Югорск), «Замысел» (Нижневартовск), «Возрождение» (Междуреченский), «Серебряная Обь» (Октябрьское), «Логос» (Мегион), «Кедр» (Советский), «Северный огонёк» (Сургут), «Озарение» (Нефтеюганск), «Няганские родники» (Нягань) и др. В Ханты-Мансийске активно функционирует окружная организация Союза писателей России, которая объединяет усилия литературной общности региона.

Развитие югорской литературы на современном этапе происходит по трём основным направлениям: литература коренных народов на их родном языке, литература коренных народов на русском языке, собственно русская литература Югры. Но несмотря на её языковую, ментальную и идеологическую неоднородность, современная югорская литература имеет центростремительный характер, обусловленный территориальной общностью и самим предметом творческих интересов. В фокусе её внимания остаётся Югра как предмет художественного изображения и осмысления, как культурно-исторический феномен и место осуществления житнетворческого человеческого потенциала. Именно это даёт основание для постановки вопроса о существовании югорского текста как оригинальной сверткоструктуры.

В исследовательской практике закрепилось мнение о том, что одним из ключевых условий возникновения локального сверх-

текста, помимо собственно географического фокуса, является наличие «мифа, обладающего текстопорождающими свойствами» [20, 20]. В этой связи следует заметить, что Югра – исключительно мифогенное пространство. Традиционная мифология коренных народов до сих пор сохраняет свою жизнеспособность и этнокультурную продуктивность. Она активно функционирует в обрядах, поверьях и фольклоре аборигенного населения, являясь свидетельством его культурной и ментальной самобытности. Её непосредственное влияние можно обнаружить на литературное творчество обских угров.

Наряду с этим в результате активного освоения Тюменского Севера, его промышленного развития и притока жителей из других регионов бывшего СССР постепенно сформировалась новая мифологическая парадигма. Современное общественное сознание рождает новые мифы, которые во многом инспирированы самими жителями Югры. Однако наряду с «бытовой» мифологией, существующей на уровне обыденного коллективного сознания, складываются и основные черты «культурной» мифологии, запечатлённой в различных сферах художественного творчества. В частности, в новейшей литературе Югры такой устойчивой содержательной моделью, которая обладает продуктивным текстопорождающим потенциалом и выступает как основной конституирующий фактор «югорского текста», является миф о преображении мира. Этот миф входит в число т.н. космогонических мифов и отражает завершающий этап упорядочения жизни в её движении от хаоса к космосу.

Следует учитывать, что наиболее полно и последовательно идея преобразования представлена в христианской духовной культуре, где она подразумевает достижение состояния всеобщей целостности бытия и окончательное единение человека со всем сущим. Иными словами, преобразование – это активное и целенаправленное стремление мира и человека к идеальным формам Божественного замысла посредством преодоления распада и отчуждения, возникшего в результате первородного греха. Оно предполагает встречное движение Творца и творения до состояния их полного единства.

Для культуры языческой, основанной на представлении о нераздельной слиянности человека и мира, в котором он живёт, идея

преображения имеет несколько иную природу. Мир, созданный волей демиурга из хаоса, упорядочен, сбалансирован и неизменен. Он являет собой модель бытия вечного, не знающего ни смерти, ни времени. Однако и здесь возможно ситуативное отклонение от существующего равновесия, которое возникает в результате деструктивного вмешательства двойника создателя, олицетворяющего силы хаоса и разрушения. Восстановить утраченное миром равновесие призван т.н. культурный герой, как правило, имеющий родственные связи с демиургом и обладающий способностью свободно перемещаться между различными (верхним, средним и нижним) ярусами бытия. Таким образом, культурный герой является соучастником космогонического акта, преобразующий те сферы бытия, где нарушен предустановленный баланс между добром и злом, светом и тьмой, жизнью и смертью. Так, наглядным примером может служить герой хантыйской мифологии Эква-пырищ, который, будучи сыном верховного бога Торума, сумел извлечь из подземного мира похищенное злым духом Кульотыром солнце и вернуть его на небо, тем самым восстановив творческий замысел отца.

Литература Югры второй половины XX века породила новую, секуляризованную модификацию мифа о преобразении мира. Здесь главной инициативной силой, преобразующей хаос дикой природы в мир цивилизованной гармонии, является человек – строитель и создатель. В основу этой темы легли реальные события, связанные с покорением Севера, разведкой и освоением нефтяных и газовых месторождений, масштабным промышленным и гражданским строительством на территории Среднего Приобья. Литературные приоритеты этого периода оказались вполне созвучны государственной идеологии, утверждающей ценность человека труда, поэтому в центре внимания югорских писателей оказываются представители рабочих и инженерных профессий: первопроходчики, шофёры, геологи, буровики, строители. Факты преобразования жизни, как правило, маркированы в художественных текстах конкретными топографическими знаками, известными широкой читательской аудитории по сводкам новостей. Там, где ещё вчера земную поверхность покрывали непролазные болота и расстились бескрайние массивы непроходимой тайги,

теперь высятся сооружения крупнейших в мире нефтегазовых месторождений – Самотлорского, Мамонтовского, Фёдоровского; сияют огнями проспекты Сургута, Ханты-Мансийска, Нижневартовска; разбиты клумбы с цветами и слышится детский смех.

Романтика нелёгких трудовых свершений, которой исполнены страницы произведений югорских писателей, обусловлена твёрдой убеждёностью людей в том, что каждый из них лично участвует в созидании нового мира, который знаменует торжество человеческого разума и воли над природными стихиями. В результате сам человек приобретает статус демиурга и наделяется божественными свойствами:

Судите нас,

Как нас... судила – жизнь,

Когда мы с ней на равных говорили,

Когда как... боги новый мир творили,

Когда мы наших девушек любили,

И города над Обью возводили,

И Родиной умели дорожить [13, 33].

Но миф о преобразении мира представлен не только на материале ближнего контекста, не менее выразительно он заявлен и в исторической ретроспекции. Достаточно обширный корпус литературных текстов писателей Югры отсылает читателя к событиям далёкого исторического прошлого времён покорения Сибири и вхождения Югры в состав Российского государства. Явление русских дружин на югорской земле мотивируется здесь не только военно-политическими, но и культуртрегерскими задачами. Русские воины не столько завоеватели, сколько миссионеры и просветители. Они несут местному населению блага цивилизации, защищают от внешней агрессии, стоят на страже его интересов.

Весьма показательна в этом отношении историческая проза О. Б. Рихтера («Кучум», «Повесть о Сургуте», «Сказание о Ермаке» и др.), которая основана на документальном материале, но представляет собой художественную интерпретацию событий югорской хроники. Русское воинство предстаёт здесь в качестве покровителя и избавителя местных народов от жестокой власти Сибирского ханства, с уважением относится к традициям и верованиям аборигенного населения, проявляет неподдельный интерес к его культуре. Так, например, отправляя казаков в очередной воинский поход,

Ермак увещевает назначенного им предводителя отряда: «Ты, Яков, старайся не саблей махать, а языком делать дело. Прихвати с собою для поминок таганки, сбрую, ножи, материю и ясак бери как бы в обмен, без ущерба для вогуличей или остяков. Обещай им защиту от татар, а если те объявятся, то побей их, улус разори, разрешив казакам добычу взять. Но мирных людей не обижай и женок их не трогай» [18, 168]. Да и сами казаки нисколько не склонны к враждебности и агрессии, они пришли в Югру не грабить и убивать аборигенов, а обживать новые земли. Многие из них стремятся закрепиться на новом месте, создав семьи и взяв в жёны местных девушек, о чём, в частности, говорит казак Богдан: «А кто сказал, что я думаю о блуде? Я, может, женку хочу завести. Многие казаки только о том и думают» [18, 168].

Впрочем, югорский текст не исключает и альтернативную точку зрения на историческое прошлое Югры. Как правило, это связано с осмыслением драматических обстоятельств первой половины XX века. Так, в основу романа Е. Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах» положены события Казымского восстания (1933–1934 гг.), связанного с насильственным привлечением местного населения к инициативам Советской власти по социально-экономическому реформированию среднего Приобья. В романе показано, как в результате карательной операции Красной Армии жизнь народов Югры действительно преобразилась, однако результатом этого преобразования оказываются мучения и смерть невинных людей (в том числе женщин и детей), разорённые и выжженные поселения, горькие материнские слёзы и осквернённые святыни. Цель этого «преображения» доходчиво разъяснил один из центральных персонажей романа – красный командир Владимир Чухновский: «Не вы нам нужны, а ваша земля. Если понадобится, всех отсюда выгоним. Даже резерваций, как в Америке, для вас не оставим. Все тут будет наше. Своих охотников и рыбаков привезём, по воле или поневоле. У нас их в Союзе Эс-Эс-ЭР пока хватает. А пока даём жить – живите, оленей пасите, детей рожайте, водку пейте» [3, 95].

Нередко в югорской литературе критическому художественному осмыслению подвергаются и сами последствия цивилизаторской деятельности современного человека, стремящегося к установлению своего господства над

природными стихиями и подчинения их своим интересам. Так, глазами Татьяны, героини повести Т. А. Молдановой «Касания цивилизации» читатель видит, как идиллический патриархальный мир народов Югры, где человек живёт в единстве с природой, уступает место новой промышленно-урбанизированной реальности, в которой вместо величественной тайги громоздятся буровые вышки и грязные бараки, вместо пения птиц слышен скрежет моторов и грохот сваебойных машин, вместо чистого неба – дымовая завеса и марево выхлопных газов. Сила цивилизации и социального прогресса, кардинально меняющих жизненный уклад и традиционные ценности коренных народов, представлены в повести в символическом образе реки, которая неумолимо прокладывает себе новое русло и уносит своими потоками всё, оказывается у неё на пути: «Оказавшись на берегу, почуяв опасность, деревья всеми силами пытались сохранить жизнь, цеплялись за питающую их землю. Все бесполезно, вода знала свою работу, методично, шаг за шагом, она посягала на самое сокровенное, она посягала на корпи. Неспособные убежать, беспомощные кедры, берёзки, рябинки все ниже и ниже склоняли свои обречённые головы. Наконец обламывался последний корешок, и они падали. Река с радостью хватала их трупы, уносила неведомо куда и с попой энергией бралась за очередную жертву» [15, 51].

В результате миф о преображении мира, обладающий в югорской литературе амбивалентной природой, неизбежно приводит читателя к мысли о преображении человека, которое невозможно без ясного осознания своей подлинной сущности, без возвращения к своему божественному первообразу. И в этом литература Югры обнаруживает свою коренную связь с русской классической литературной, для которой идея преобразования человека является магистральной. Писатели Югры, независимо от их национальной принадлежности и идеологической ориентации, едины в представлении о человеческой судьбе. В условиях динамично изменяющейся жизни не заблудиться в её лабиринтах, не растратить и не потерять себя человек может лишь сохранив в себе потребность стремления к идеалу. На вопрос о том, куда идти, герой одного из рассказов С.С. Козлова отвечает: «К свету... Даже когда мы сидим, стоим или спим, мы идём. Мы двигаемся» [8, 196].

В этом незатейливом ответе содержится глубокий смысл: движение к свету – это жажда обретения того, что делает человека человеком. Для югорских писателей – это прежде всего чувство семьи и дома, способность к любви и состраданию, ощущение личной причастности миру во всем многообразии его воплощений. Путь человека к самому себе, казалось бы, так прост и достижим, но всегда глубоко индивидуален и неповторим.

Если говорить о югорском тексте как об особой сверхтекстовой структуре, как о совокупном результате творческих интенций целого коллектива различных авторских индивидуальностей, следует отметить ряд признаков, характеризующих представленную в нём художественную картину мира. В первую очередь, это особая пространственно-временная организация, обусловленная сугубо региональными реалиями. Так, художественный образ Югры детально маркирован географическими топонимами, которые нередко заявлены в названиях произведений: «Стихи о Сургуте» Л. И. Гайкевича, «Снега Самоплора» Н. В. Денисова, «На свободу через Берёзов» Н. И. Коняева, «Ларьякский голос» В. А. Мазина, «Зима в Лянторе» Д. А. Сергеева, «Сургут-на-Оби» М. Г. Сладковой и др. Не менее значимой пространственной константой югорского текста являются водоёмы (реки, озёра, болота), которые также маркированы конкретными гидронимическими обозначениями, и центральное место среди которых по праву занимают Обь и Иртыш.

В этом тяготении к топографической достоверности видится не только установка авторов на конкретную территориальную привязку художественного текста, но и стремление актуализировать те ближние и дальние контексты, которые выводят литературное произведение на уровень вечных смыслов. Следует вспомнить, что в мировой культурной традиции вода рассматривается как одна из основных стихий мироздания, «первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» [2, 240]. Так, в мифологии обских угров со дна первичного океана был поднят кусочек ила, из которого верховный бог Корс-Торум сотворил землю. Тем самым подчёркивается мысль о том, что вода – это вечно порождающее начало, источник всего сущего в мире. Жизнетворческую семантику имеет

символ воды и в христианской культуре, где она выступает как средство очищения и возрождения мира и человека для новой жизни. Именно это свойство воды лежит в основе библейской легенды о всемирном потопе и объясняет значение обряда крещения водой.

Река как одна из форм бытования водной стихии также содержит в себе витальную коннотацию. Она символизирует мировой путь от его возникновения до завершения. В мифологии обских угров важное значение имеет образ связывающей все три яруса универсума Мировой реки, в качестве которой рассматривается Обь. Двигаясь с юга на север, она берёт свои истоки в верхнем мире, далее пересекает весь средний мир и завершает своё течение в преисподней – загробном мире холода и мрака, тем самым намечая траекторию человеческой жизни. Все прочие реки Югры (Аган, Сосьва, Пим, Салым, Вах, Тромъеган и др.) по аналогии воспринимаются как своего рода локальный эквивалент реки Мировой.

Благодаря действенности механизмов культурной памяти, образ реки приобретает в югорском тексте статус пространственной доминанты. Вблизи реки или в её русле происходят ключевые события произведений, вдоль её берегов сосредоточено всё живое, в её течении отражается общий ход жизни. Как отмечает Е. В. Косинцева, в югорской литературе (и особенно – в поэзии) «сложилось концептуальное осмысление реки как дома, кормилицы, транспортной артерии, хронографа, друга. Охранительная, жизнеутверждающая, судьбоносная функции реки в сочетании с эпитетами “любимая, родная, дорогая”, олицетворениями и сравнениями сформировали яркий художественный образ» [10, 27].

Помимо реки, важное смыслообразующее значение в югорском тексте имеют иные природные образы, особое место среди которых занимает лес. Часто лес и его обитатели (деревья, травы, животные, птицы) выступают в произведениях югорских писателей в ореоле антропоморфных мифологических реминисценций и являются индикатором системы ценностных ориентаций человека в мире. Для коренных народов Югры лес (тайга, бор, чаша) – это живая, естественная среда их обитания, их укрытие, их дом, поэтому потребительское отношение к лесу, его бездумное уничтожение, истребление неизбежно приводит не только к нарушению

мировой гармонии, но и к нравственной катастрофе самого человека.

Принципиально иная семантика у пространственных образов, символизирующих приход в Югру цивилизации и прогресса. Это образы урбанистического и техногенного характера: строения, буровые вышки, качалки, наземный, водный и воздушный транспорт и т.п. Они знаменуют торжество человека над природными стихиями и выражают идею исторического оптимизма. Семиотический код данной образной парадигмы также имеет свою мифологическую основу, однако эта мифология соотносится не столько с региональной, сколько с европейской культурной традицией:

Труб раскинутых вежи живые
Отмечают удачи маршрут,
Будто храмы, встают буровые,
Дизеля их «осанну» ревут [7, 120].

В отличие от природных образов-символов, которые неизменно выражают авторские представления о гармонии бытия и выступают художественной проекцией потребности человека в обретении этой гармонии, диапазон оценочных авторских коннотаций образов цивилизации достаточно широк: от эстетизации – до демонизации. Оценочные позиции авторов в данном случае обусловлены ощущением времени, которое в югорском тексте имеет бинарный характер. Общим является представление о том, что настоящее – это время перемен, однако в одном случае эти перемены квалифицируются как разрушение традиционного уклада жизни, в другом – как созидание нового мира. В первом случае прошлое идеализируется, а будущее мыслится как возврат к истокам, во втором – прошлое, настоящее и будущее воспринимаются как необходимые этапы поступательного движения человеческой истории. В результате следует констатировать сосуществование в Югорском тексте двух различных хронотопических моделей – циклической и линейной, которые соответствуют двум различным типам сознания – родового и социального.

Однако, несмотря на существенную неоднородность идеологических авторских установок, писателям Югры в равной степени присуще острое ощущение кризисного, переломного характера современной им эпохи, эпохи глобальных перемен, эпохи смены ценностных ориентиров, что находит вполне определённое

выражение на уровне организации художественного высказывания. Говоря о своеобразии югорского текста, который моделирует мир, находящийся в состоянии кардинальных перемен, следует очертить круг ключевых мотивов, отражающих и формирующих его единство на смысловом уровне:

- *мотив пути* как проявление потребности героя в поиске и обретении смысла жизни;
- *мотив встречи* как судьбоносной ситуации, позволяющей герою соотнести свои взгляды на жизнь с ценностными установками другого;
- *мотив испытания* как возможность проверки героем своих возможностей и правомерности своих притязаний;
- *мотив дома* как выражение сложившихся жизненных ценностей и средство самоидентификации героя.

Актуальность и продуктивность для югорского текста данного мотивного комплекса можно наблюдать на материале рассказа Е. Д. Айпина «Последний рейс». Герой рассказа Костя Казамкин, сын охотника, окончив школу, вопреки семейной традиции решает уйти из дома и начать новую жизнь. Его привлекают возможности современной техники («Ох как тянуло тогда на сильные и быстроходные катера, что сновали по таежным рекам. Снился ему белый катер-красавец с мелодично поющим двигателем» [4, 10]), поэтому, окончив курсы мотористов, он устраивается механиком на транспортный катер, но скоро понимает, что выбор его не оправдан. Читатель знакомится с Костей, когда тот отправляется в путь по течению Агана, в последний сезонный рейс.

Важную роль в жизненном самоопределении героя играет встреча с капитаном Буркиным, человеком с «тощим телом», «прядьё жидких бесцветных волос» и «бесстрастно неподвижным лицом». В отличие от Кости, для которого окружающий мир разнообразен и наполнен живым таинственным движением, капитан демонстрирует цинично-потребительское отношение к жизни и особенно – к миру природы: «Всякое зверье предо мной страх чувствует. Возьми того же мишку – силен, а боится меня»; «Тут каждый мысок, каждый заливчик накрепко запомнит капитана Буркина!» [4, 10–11].

Улавливая тревогу в окружающем его пространстве («заречный лес замер в напряжённой

чуткой тишине»), Костя интуитивно чувствует, что от капитана исходит угроза, способная нарушить равновесие природного мира, и понимает, что именно он может предотвратить надвигающуюся катастрофу: «Маялся Костя, не находил себе места. Терзало предчувствие неминуемой беды. Рано или поздно столкнется лоб в лоб с капитаном. И от того, как он поступит, во многом будет зависеть его дальнейшая жизнь. И не только его жизнь, иногда ему казалось, что от этого будет зависеть жизнь и реки, и тайги, и всего его маленького народа ханты. А что он сделает в решающую минуту – он ещё не знал» [4, 15].

В результате, предотвратив неминуемую гибель лося, ситуацию испытания на человеческую состоятельность Костя преодолевает в соответствии со своими нравственными представлениями, сформировавшимися ещё в родительском доме, но требующими подтверждения на деле. Герой не только сохраняет жизнь беззащитного животного, но и восстанавливает пошатнувшееся было равновесие в мире природы, который воспринимает как свой дом: «В просвет между облаков прорвались грустные лучи осеннего солнца, и стало вокруг заметно светлее. Сквозь шум двигателя Костя уловил птичий щебет. Значит, жизнь в лесу ещё не замерла вконец, не остановилась. И бледное небо разрезал косой клин запоздалых журавлей. Их прощальную песню Костино ухо не уловило, видно, глушит её двигатель катера. Но все равно он улыбнулся им вслед, будто пожелал счастливого пути» [4, 17]. С этим и связан смысл названия рассказа «Последний рейс»:

путь жизненных исканий завершён, герой возвращается домой, к своему жизненному предназначению.

Обсуждение и заключение

Следует отметить, что образ дома вообще является ключевой скрепой югорского текста. Здесь дом понимается и как непосредственное жилище человека, где находится его семейный очаг и растут его дети, и как само территориальное пространство, где человек обретает себя – пространство всей Югры с его уникальными природными и человеческими богатствами. Такое понимание дома объединяет авторов самых разных идеологических позиций: как носителей родового, так и социального сознания. Для одних важной задачей представляется сохранение дома, для других – его обустройство, но и те, и другие испытывают подлинное чувство безраздельной привязанности к территории, где живёт особая порода людей, «влюблённых в край свой, как в мечту» [24, 256].

Таким образом, югорский текст имеет синтетический характер. Его отличают идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость, что обусловлено его полиэтнической и поликультурной природой. Однако смысловая целостность югорского текста обеспечена единством авторских устремлений создать художественный образ, уникальной по своему культурно-историческому, природному и этно-национальному ландшафту территории, сопричастность которой открывает для человека подлинный смысл бытия.

Список источников и литературы

1. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь: Изд-во ПермГУ, 2012. 140 с.
2. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: энцикл. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1: А–К. С. 240.
3. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах: [роман]. СПб.: Амфора, 2010. 255 с.
4. Айпин Е. Д. Клятвopреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Руслo, 1993. 423 с.
5. Алтайский текст в русской культуре: сб. научн. статей. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002–2017. Вып. 1 – 2002 (131 с.); Вып. 2 – 2004 (214 с.); Вып. 3 – 2006 (236 с.); Вып. 4 – 2008 (241 с.); Вып. 5 – 2013 (158 с.); Вып. 6 – 2015 (444 с.); Вып. 7 – 2017 (304 с.)
6. Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Ешимов Г. К. Югорские строфы: избранные стихотворения. М.: Московский Парнас, 2007. 176 с.

8. Козлов С. С. Дежурный Ангел: рассказы. М.: Сибирская благовонница, 2011. 446 с.
9. Коняев Н. И. Вчера, сегодня и всегда: ретровзгляд на литературную жизнь Югры / сост. Коняев Н. И., Рябий И. Г., Рябий М. М. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 111 с.
10. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: автореф. док. филол. наук. Саранск, 2013. 42 с.
11. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура: коллективная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 214–233.
12. Люсьи А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
13. Матвеев В. С. Случилась просто жизнь: [стихи]. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2017. 299 с.
14. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 170 с. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> (дата обращения: 28.02.2019).
15. Молданова Т. Касания цивилизации // Мир Севера. 1997. № 3. С. 50–63.
16. Москва и «Московский текст» в русской литературе: материалы межвузовского семинара (Москва, МГПУ, 7 апреля 2008 г.). М.: ГОУ ВПО МГПУ, 2010. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1208/1245/> (дата обращения: 28.02.2019).
17. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 7–12.
18. Рихтер О. Б. Сказание о Ермаке: Исторический роман-версия. Кн. 1 Лихолетье. Сургут: Нефть Приобья, 2001. 228 с.
19. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. 410 с.
20. Селеменова М. В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 27–34.
21. Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. Архангельск: Солти, 2010. 524 с.
22. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 237 с.
23. Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. Вып. 1–2. Томск: Изд-во ТГУ, 2002–2007. Вып. 1 – 2002 (270 с.); Вып. 2 – 2007 (276 с.).
24. Суханов П. А. Избранное / сост. и авт. предисл. Ю. А. Дворяшин. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2011. 447 с.
25. Степанова А. А. Місто на межах: естетичні грані образу в літературі перехідних епох // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: міжвуз. зб. наук. ст. / Відп. ред. В.А. Зарва. Бердянськ: БДПУ, 2009. Вип. XXII. С. 61–71.
26. Jenny L. La strategie de la forme // Poetigue. 1976. № 27. P. 257–281.
27. Shama S. Landscape and Memory. New York: Vintage, 1996. 672 p.

References

1. Abashev V. V. *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoehtiki* [Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics]. Perm: Izd-vo PermGU Publ., 2012. 140 p. (In Russian)
2. Averintsev S. S. *Voda* [Water]. *Mify narodov mira: ehncikl.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1987. Vol. 1: A–K, p. 240. (In Russian)
3. Aipin E. D. *Bozh'ya Mater' v krvavyh snegah* [The Mother of God in the Bloody Snows]. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2010. 255 p. (In Russian)
4. Aipin E. D. *Klyatvoprestupnik. Izbrannoe: Roman i rasskazy* [The Oathbreaker. Selected works: Novel and stories]. Moscow: Ruslo Publ., 1993. 423 p. (In Russian)
5. *Altajskij tekst v russoj kul'ture: sb. nauchn. statej* [Altai text in Russian culture: collection of scientific articles]. Barnaul: AltGU Publ., 2002–2017. Vol. 1 – 2002 (131 p.); Vol. 2 – 2004 (214 p.); Vol. 3 – 2006 (236 p.); Vol. 4 – 2008 (241 p.); Vol. 5 – 2013 (158 p.); Vol. 6 – 2015 (444 p.); Vol. 7 – 2017 (304 p.) (In Russian)
6. Galimova E. Sh. *Specifika severnogo teksta russoj literatury kak lokal'nogo sverhteksta* [Specificity of the Northern text of Russian literature as a local super-text]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) gumanitarnogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki»* [Bulletin of the Northern (Arctic) Humanitarian University. Series «Humanities and social sciences»], 2012, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/>

article/v/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta (accessed February 28, 2019) (In Russian)

7. Eshimov G. K. *Yugorskie strofy: izbrannye stihotvoreniya* [Yugra stanzas: selected poems]. Moscow: Moscow Parnas Publ., 2007. 176 p. (In Russian)

8. Kozlov S. S. *Dezhurnyj Angel: rasskazy* [Angel on duty: stories]. Moscow: Sibirskaya blagozvonnica Publ., 2011. 446 p. (In Russian)

9. Konyaev N. I. *Vchera, segodnya i vseгда: retrovzglyad na literaturnuyu zhizn' Yugry* Yesterday, today and always: a retrospective view on the literary life of Yugra. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publ., 2012. 111 p. (In Russian)

10. Kosintseva E. V. *Hantyjskaya literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, tradicii* [Khanty literature from the beginnings to the present: themes, images, traditions]. Saransk, 2013. 42 p. (In Russian)

11. Kupina N. A., Bitenskaya G. V. *Sverhtekst i ego raznovidnosti* [Super-text and its varieties]. *Chelovek. Tekst. Kul'tura: kollektivnaya monografiya* [Man. Text. Culture: collective monograph]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2004. pp. 214–233. (In Russian)

12. Lyusy A. P. *Krymskij tekst v russkoj literature* [Crimean text in Russian literature]. Saint-Petersburg: Aletheia Publ., 2003. 314 p. (In Russian)

13. Matveev V. S. *Sluchilas' prosto zhizn': stihi* [Just life happened: poems]. Surgut: Pechatnyj mir g. Surgut Publ., 2017. 299 p. (In Russian)

14. Mednis N. E. *Sverhteksty v russkoj literature* [Super-texts in Russian literature]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU Publ., 2003. 170 p. Available at: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> (accessed February 28, 2019) (In Russian)

15. Moldanova T. *Kasaniya civilizacii* [Touches of civilization]. *Mir Severa* [World of the North], 1997. no. 3, pp. 50–63. (In Russian)

16. *Moskva i «Moskovskij tekst» v russkoj literature: materialy mezhvuzovskogo seminara (Moskva, MGPU, 7 aprelya 2008 g.)* [Moscow and «Moscow text» in Russian literature»: materials of the scientific seminar (Moscow, MSPU, April 7, 2008)]. Moscow: GOU VPO MGPU Publ., 2010. Available at: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1208/1245/> (accessed February 28, 2019) (In Russian)

17. Polyakova L. V. *Filologicheskaya regionalistika kak nauka: k postanovke problemy* [Philological regional studies as science: to the problem statement]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regional studies], 2012, no. 2 (8), pp. 7–12. (In Russian)

18. Richter O. B. *Skazanie o Ermake: Istoricheskij roman-versiya. Kn. 1: Liholet'e* [Legend about Yermak: Historical novel-version. Book 1: Hard times]. Surgut: Neft' Priob'ya Publ., 2001. 228 p. (In Russian)

19. *Severnij tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa: monografiya* [Northern text as a logos form of existence of the Russian North: monograph]. Comp., ed. by E. Sh. Galimova, A. G. Loshakov. Arkhangelsk: Image Press Publ., 2017. Vol. 1. 410 p. (In Russian)

20. Selemenova M. V. «Moskovskij tekst» v russkoj literature XX v. (na materiale hudozhestvennoj prozy 1910–1950-h gg.) [«Moscow text» in Russian literature of XX century (on the material of fiction of the 1910–1950s)]. *Vestnik RUDN. Ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik RUFPP. Ser. Literary criticism. Journalism], 2009, no. 2, pp. 27–34. (In Russian)

21. *Semantika i pragmatika slova i teksta. Pomorskij tekst: sb. nauch. st* [Semantics and pragmatics of word and text. Pomor text: collection of scientific articles]. Arkhangelsk: Solti Publ., 2010. 524 p. (In Russian)

22. *Sibirskij tekst v nacional'nom syuzhetnom prostranstve: kollektivnaya monografiya* [Siberian text in national plot space: collective monograph]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj un-t Publ., 2010. 237 p. (In Russian)

23. *Sibirskij tekst v russkoj kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Tomsk: TSU Publ., 2002–2007. Vol. 1 – 2002 (270 p.); Vol. 2 – 2007 (276 p.). (In Russian)

24. Sukhanov P. A. *Izbrannoe / Selected works*. Khanty-Mansiysk: Print Class Publ., 2011. 447 p. (In Russian)

25. Stepanova A. A. *Misto na mezhah: estetchni grani obrazu v literaturi perekhidnih epoh* [A city on the boundaries: aesthetic faces of the image in the literature of transitional epochs]. *Aktual'ni problemi slov'jans'koi filologii. Seriya: Lingvistika i literaturoznavstvo: mizhvuz. zb. nauk. st.* [Actual problems of Slavic philology. Series: Linguistics and Literature]. Berdyansk: BDPUP Publ., 2009. Vol. 12. pp. 61–71. (In Ukrainian)

26. Jenny L. La strategie de la forme. *Poetigue*, 1976, no. 27, pp. 257–281. (In French)

27. Shama S. *Landscape and Memory*. New York: Vintage, 1996. 672 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ларкович Дмитрий Владимирович, профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (628417, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2), доктор филологических наук.

ORCID ID: 0000-0001-5141-698

dv110@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Larkovich Dmitriy Vladimirovich, Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (628417, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2), Doctor of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0001-5141-698

dv110@yandex.ru